

Слово похвальное о флоте российском

СЛОВО ПОХВАЛНОЕ О ФЛОТЕ РОССИЙСКОМ
и о победе, галерами российскими над кораблями шведскими
иулия 27 дня полученной, проповедано преосвященным
Феофаном, епископом Псковским, в царствующем
Санктъпитербурхе при присутствии царского пресветлаго
величества и всего синклита 1720 года, септемвриа 8 дня

Продолжает бог радости твоя, о России, и данная тебе благополучия новыми и новыми благополучии дополняет. Тот год прошел без виктории твоея, в который не понудил тебе неприятель обнажить оружия. Аки бы рещи: тогда нам жатва не была, когда они не сеяли. Не вспоминая преждних, в прошлом году, когда крыемое долго сосед наших немирлолюбие яве откровенно стало, кия плоды пожал мечь российский видели мы с радостью, видели они с великим своим плачем и стенанием. Лето нынешнее было, по-видимому, в нечаянии новых славы прибылей, понеже корабельный флот смотрением политическим удержан, из гавани не выходил. И се надчаяние прилетает к нам 6-го дня июня весть радостная щастливаго наших воев действия с немалою неприятеля утратою. Еще же ведомость тая, почитай, говорить не перестала, и се летит другая и гласит нам викторию, в 27 день иулия полученную. Се уже пред очима нашими и плоды ея доволнии; взятии фрегаты, и воинство и аммуниция, честный и богатый плен. Продолжает воистинну и умножает бог радости твоя, о России!

Как уже умолкнем тако обрадовани? Как умолчим о сем? Разве были бы добра нашего не любители и добра того подаятеливи богу нашему не благодарни! Но что предложим? Что скажем ныне, дабы слово было и сему благополучию прилично, и нам не бесполезно? Двое усмотреваю, беседы и разсуждения достойное: первое — милостивое к нам божие смотрение, таковых водных викторий виновное, то есть что благовремение подвигнул бог державнейшаго государя нашего к устроению морскаго флота; второе — присмотретися собственно лицу виктории сея. Во первых, яко собственное было божие смотрение, когда воспламенися цареву сердце к водным судам, таже и к устроению флота великаго; яве показуется отсюда, яко охота тая в сердце его родилась от малаго случая, от обретения некоего ботика обветшалаго, о чем пространне любопытный увидит в предисловии морскаго регламента. Не слышал монарх в младости своей пространных о морском плавании повестей, не наводил его к охоте сей никто учением, советом,

предложением многих нужд. Хотя бы и так было, и то было бы не без смотрения божия, без него же ничтоже бывает, но было бы то смотрение обычное. А что безтаковых явных причин и поводов деется, еже мы нарицаем случаем, то деется собственным и чрез обычайным вышняго смотрением. Что бо мы нарицаем случаем, случай нам есть, понеже без нашего намерения и чаяния стается, но у бога не случай есть, без его же воли и определения ниже малая птица падает. Тако, например, не произвольное убийство, когда кто кого стрелою, иным намерением пуценною, умертвит, случай у нас нарицается, а писание то восписует действующему богу; тако бо не волею убиеннаго нарицает закон от бога на смерть преданнаго: Исход, глава 21. Где бо невидим внешних дела некоего вин, там знатнее являет себе действие божие.

Аще же тако о божии смотрении мудрствовати долженствуем и всякаго человека случаях, колми паче в случаях, царем бываемых, на них бо состояние всего отечества висит. И смотрение божие, сердца их управляющее, есть общее ко всему народу смотрение. Того ради и собственно о них глаголет Премудрый: «Сердце царево в руце божией». И от сего известно, что случай оный найденнаго ботика был по собственному божию смотрению. И зри, как премудрый бог, который являет силу свою в малых и пе сущих вещех, и zde подобие сотворил. Понеже бо и богатство, и повеление царское силно есть, толко бы к чему была воля его; того ради вся великая дела, царским повелением творимая, разум человеческий наречет просто человеческая, не усматривая в делах таковых, яко от силнаго творимых, другой невидимой силы. И тако смотрети подобает на начало дела, от которой и каковой вины сильная, царское сердце к делу понуждающая, яко например: нашествие неприятелское понуждает собирати воинство, делать крепости, сооружати аммуницию и протчая, то и zde еще человек, не глубоко разсуждающий, не увидит смотрения божия, но все тое простым человеческим промыслом назовет. Аще же некая вещь малая, не нужная и презренная, двигнет дух монарший, и произыдет он к делу великому, не видеть zde виднаго промысла, но мощно видеть смотрение невидимое. Такот когда Ассвер царь персидский де возмогд единой ноци уснуть и скука тая позвала его ко чтению книг памятных, и, нашед в них прислугу к себе верную Мардохеа, первее

двинулся к награждению мужу оному единому, а потом и весь народ иудейский не точию от губительных наветов Амановых избавил, но и вопреки, предав Амана на смерть, сотворил иудеи беспечалны и сильны. Кто не исповесть, что неспание оное Ассверово и истории чтение, толикому людей божиих благополучию виновное, было от нарочитаго смотрения небеснаго? И того ради,

мнится мне, неспание оное, о котором еврейский текст просто глаголет, что не могл уснути Ассвер, семдесят же перевели с толком тако: «Господь отъя сон от царя в нощи оной».

Смотрим же, не тако ли действовал бог и у нас, когда Россию флотом морским вооружити благоволил? Была нужда России имети флот, яко не одинаго моря пределами своими досягающей; но нужды той еще никто, еще и сам монарх российский, не ощущал. Видел един всевидец бог главную флота нужду, определяя нам на времена сия за владение сего помория. А от человек кто сие провидети, кто пророчествовати могл? И то первый знак, что возбужденная в монаршем сердце к морскому плаванию охота не от промысла человеческого была. Да еще же, что охоте той вину подало? Негде по случаю найденный (яко же выше помянуто) малый, ветхий, презренный ботик. О том стал первеелегкий вопрос, а с полученнаго ответа возгорелась охота, да еще только к водному гулянью; скоро же, болше да а болше разгараяся, сердце пролилось, аки пламень, ко устройению великаго флота. Кто zde не видит явнаго божия смотрения? Не той ли сие действовал, который и о умножении церкви своея предложил притчу? «Подобно, — рече, — есть царствие небесное зерну горушичну, еже взем человек всея на селе своем. Ежели малейше убо есть от всех семен: егда же возрастет, более всех зелий есть, и бывает древо: яко приити птицам небесным и витати на ветвях его». А кто же не скажет, что малый ботик против флота есть, аки зерно против древа? А от того зерна возрасли сия великая, дивная, крылатая, оруженосная дрeвеса. О ботик, позлащения достойный! Тщилися нецыи искать на горах Арарацких доски ковчега Ноева; мой бы совет был ботик сей блюсти и хранить в сокровищах на незабвенную память последнему роду.

Удивило себе еще божие смотрение, подавая сердцу монаршему неусыпное тщание и благословляя дело сие дивным благопоспешеством, так, что и лютая и еще тогда нам тяжкая война не могла зделать препятая, и воевано, и строено подобие, как о иудеях, Иерусалим по возвращении вавилонском созидающих, пишется: 6 «Единою рукою своею творяху дело, а другою держяху меч».

Но се паче всего дивнейшее есть: возбужденный к делу сему монарх, недоволен прилежным своим попечением и тщанием, недоволен учением подданных своих, сам корабельной архитектуры, — еще и то мало, — сам архитектуры тоя древоделию учиться потщался, отложив весь покой, восприяв трудную и не безбедную перегринацию. Образ в свете еще неслыханный! А где уже они римский Квиитии и Фабрикии, которым удивляются историки, что, бывше па время диктаторы, — не возгнушались паки трудиться в земледелии? Помрачил славу их Петр, который купно

и скипетр, и меч, и древоделная орудия носит, не урод телом, но дивен делом, миогоручный нарещися достоин.

Кто всего сего смотрению божию не воспишет, тот смотрению быти не доверяет.

Мы же, познавше с предложенного рассуждения, яко нарочитое и собственное к делу сему было смотрение божие, еще посмотрим, как тое смотрение милостивое есть к роду российскому, а сие познаем с превеликия ползы, которую отечеству нашему флот морской подает.

Суесловие есть, естли не безумие, неких стихотворцев, котории так плавание воднаго ненавидят, что и первых того изобретателей проклинают. Обычно господа онии вымыслы своя нарицают пеки-им восхищением или восторгом, — да часто им в восторгах своих недоброе снится. Осуждают навигацию, но плодов ея не отмечают. Подобие они же страхов воинских, правителских попечений и судебных трудов не любят и велми похваляют покой жития селскаго, а не рассуждают того, что покой сей без воинских, правителских и судебных пепокоов быти не может.

Противное пам показывает самый здравый разум, создания божия рассуждающий. Да рассудит бо всяк, к чему толь пространная поля водная, моря и безмерный океан создал бог. К питию ли? Довлели бы на сие реки и источники, а не толькое вод множество, болшую часть земноводнаго сего круга объемшее, еще же и питию человеческому веема неугодное. Сия того випа есть (яко премудре разууждает Василий Великий в своем Шестодневии), что премудрый мира создатель, промышляя человеком взаимное друголубие, не благоволил все странам земным всякие плоды, житию нашему потребныя, произносити, ибо тогда сии жители на оных, а оный на сих ниже посмотрели бы, един от другаго помощи не требуя. Разделил убо творец земная своя благая различным странам по части, да бы так, едина от другой требуя взаимнаго пособия, лучше в любовный союз сопрягаться могли. Но понеже не возможно было людем иметь коммуникацию земным путем от конец до конец мира сего, того ради великий промысл божий пролиал промеж селения человеческая водное естество, взаимному всех стран обществу послужити могущее. А от сего видим, какая и коликая флота морскаго нужна; видим, что всяк сего не любящий ие любит добра своего и божию о добре нашем промыслу не благодарен есть.

Но общее о ползе флота много бы глаголати, но не нуждно, яко всякому благоразсудному известно есть. Мы точию вкратце рассудим, как собственно российскому государству нужный и полезный есть морской флот. А во-первых, поиеже не к единому морю прилежит пределами своими сия монархия, то как не без-

честно ей не иметь флота? Не сыщем ни единой в свете деревни, которая над рекою или озером положена и не имела бы лодок. А толь славной и сильной монархии, полуденная и полуночная моря обдержащей, не иметь бы кораблей, хотя бы ни единой к тому не было нужды, однакоже было бы то безчестно и укорително. Стоим над водою и смотрим, как гости к нам приходят и отходят, а сами того не умеем. Слово в слово так, как в стихотворских фабулах некий Танталь стоит в воде, да жаждет. И по тому и наше море не наше. Но смотрим, как то и поморие наше. Разве было бы наше по милости заморских сосед, до их соизволения?

Что бо, когда благословил бог России сия своя поморския страны возвратити себе и другия вновь завладети, что было бы, аще бы не было готоваго флота? Как бы места сия удержати? Как жить и от нападения неприятелскаго опасатися, не токмо что оборонитися?

Земный неприятелский приход издали слышан и нескор, есть время приготовится и предварить его. Не так морской: не летают пред ним голосныя вести, не слышатся шумы, не видно дыма и праха; в который час увидиши его, в тот же и надейся пришествия его. Есть ли бы к нам добрии гости, не предвозвести о себе, морем ехали, узревше их, не мощно бы уготовать трактамент для них. Как же на так нечаянно и скоро нападающаго неприятеля мощно устроить подобающую оборону? Едина конфузия, един ужас, трепет и мятеж. А хотя бы кто и предвозвестил о походе его, то как же еще знать, на который он берег выйdet? На который город нападет? Как многии поморскийя городы, не веема флота не имевшии, но не имевшии флота доволнаго, погигли, разорении, не от силнаго супостата, но от пиратов, то есть морских разбойников, полны суть истории. А есть ли же иногда морской неприятель и не получит своего желания, однако ж, настращав и поругався, отступает без урону своего, не отлагая злобы, но храня яко неотмщенную на иное время. Приходящаго его не начеешь, отходящаго нельзя догонять. Кратко рещи: поморию, флотом невооруженному, так трудное дело с морским неприятелем, как трудно связанному человеку дратся с свободным или как трудно земным при реке Ниле животным обходится с крокодилами.

Так же то трудное было бы тебе, о Россие, на помории твоем с неприятелем обхождение, аще не бы промысл божий предварил тебе благословением благостынным и не возбудил бы в тебе тцаливаго духа ко устройению флота и ко обучению морскаго плаваная: не был бы укромчен на лучшее, но толко раздражен на горшее супостат твой. Объяла и завладела рука твоя сие толь славное и великое поморие, яко возмездие и обильный плод всех войны сея трудов и иждивений. Но возмогла ли бы и удержатъ надолго единою земною силою?

Великое сумнительство. Есть ли же бы не могла, что следовало? Испразднилася бы слава, толиких викторий. Не меишая бо слава есть удержати завоеванное, нежели завоевать, — давняя есть пословица. Отродилась бы неприятелю сила: паки бы было ему с Ливонии, Ингрии, Карелии, Финляндии, множество и воинства и имения, и хлеба; паки бы походы его и нападения на твоя внутренняя. Ныне же что? Наготствует, скудеет и глад терпит. И вместо того, чтобы на пределы наши напал, своих видит разорение, и вместо того, чтобы имел нам страшен быти, чуждее себе заступление купует, хотя и не велми щасливым торгом. Видеши, о России, ползу флота твоего! Не толко бо готова и силна тебе от нападения неприятельскаго оборона, которой бы не имела еси, не имущи флота, но вышпредложенному разсуждению, но и наступательная на онаго сила велика и виктории нетрудны. И что велми дивно, сами неприятели тесноту свою, истинною понуждении засвидетельствовали, когда на монетах, недавно в память падшаго короля своего изданных, лва, вервием обвязаннаго, напечатали. И уже посмотрим на прекрасное лице нынешния виктории; она бо вся доселе описанная к флоту морскому нужды и вся тогожде флота ползы явно показывает.

Чему бы Россия не могла и верити, еще бы в корабельной войне не была искусна, то ныне сама сделала славная всегда виктория, хотя равная обоих сторон силы. Аще бо где — тут наипаче военное действие марсовым жребием нарицати подобает. Не как коня, так и короля удобно управить. А ветер и море, яко непостоянный элементы, так ненадежный и помощники: кому помогут и кому сопротивятся, не известно. В таком убо неизвестии, сумнительстве, бедствии получить викторию — необычная воистину слава есть.

Но прочии морския виктории против нынешней российской мощно нареци общи и обычный. В прочих равныя сражаются силы, а тут галеры с кораблями; прочиим помогает, а тут мешает ветер. Сии две трудности толикую победы важность иоказуют, что и сказать трудно.

Галерам наступать на корабли, котории оных не стрельбою огненною, но единым нашествием не победить, но в щепы разбить могут, обычное ли дело? В таком сил неравенстве дерзнуть на бой дивно, вступить в бой предивно, а победить — и удивление побеждает. Что бо сему обрящем подобное? Есть повесть еллинская, что Геркулес в челюсти кита великого вскочил с мечем и, три дни утробу его разоряя, умертвил его. Было бы се ныне виктории нашей подобное, да есть фабула, знатно из истории пророка Ионы выплетеная. Есть повесть в книгах Маккавейских, что Елеазар под военнаго, неприятельскаго, воинство на себе носящаго слона подскочил со оружием и убил его. Было бы и се победе нынешней подобное, но Елеазар тот

и сам, падением зверя разгнетен, умре, победив и побежден. Мощно бы уподобить сие человеческому над зверми превосходству, понеже человек, которому естество не дало великой силы, но скудость тую умом наградило, земных и водных зверей, величиною и силою без меры его превосходящих, побеждает. Но и се не подобно, ибо воинству российскому дело было не со зверми, но с людьми, с людьми, умом и мужеством славными, а людей тех, кораблями наступающих, галерами победило. Ничтоже прочее остается, точию удивлятися, никого же подобия не видя, не обретая.

Но придает удивления то еще, что великую акции трудность ветр делал. На тишине водной галерам единым нападать на корабли стоящия и то не легко; есть бо подобно атакованью крепких фортец. А галерам с кораблями сражаться в погоду — кажется и чайнию противное. Тот же ветр, который кораблю ко обращению его служит, галерам мешает. Нельзя не сказать, слышателие, что сия виктория стала от собственного божия смотрения. И болшую zde видим милость господню, нежели где провиденция ветры на помощь посылала. Помогли тучы Марку Антонину на немцов; пособили ветры Феодосию Великому на Евгения; послужила буря Елисаветы британской на испанов. Но оным (и еще иннии нецьи подобнии суть) пособствовало смотрение ко отражению токмо неприятеля, а не ко умножению славы. Ибо когда слышим помянутыя и им подобныя победы, нарицаем щасливыя, благополучныя, угодныя и еще кая инная имена обрящем, но славными нареци не можем. Аще бо не всю викторию, то ионе великую виктории часть ветрам восписать подобает; понеже бо ветры помогли, то в сумнительстве осталось мужество победивших, — кто весть, что бы было, аще бы не помогли ветры?

Инако и лучше ныне российскому на мори воинству благословил бог. Не хотел, да бы воздух делился с нами славою виктории, но и вопреки: умножил ветром трудность к морскому бою, да бы умножилася слава победителем; послужил и нам ветр, да противством своим; послужил к славе, а не к победе. И понеже противился победе нашей, того ради явственно показал славу нашу, так что виктория нынешняя может таковым надписанием украшенна быти: неприятель и ветр побежден есть.

Тако продолжает радости твоя, тако славы твоя умножает бог, о России! Прославим убо прославившаго нас, благодарим обрадовавшему нас! Его дело есть флот российский, его благословение есть толика сила и толикия плоды флота российского. Он смотрением своим навел очи монарши на презренный ботик; он царское сердце зажегл ко архитектуре корабельной; он, предопределяя России возвращение своих и получение новых поморских стран, предварил ю благословением своим, силу же и действенну

на мори сотворил, вооружив флотом и толикими ущедрив победами. Благословен бог наш, изволивый тако! Буди имя господне благословенно от ныне и до века!

Благословен же и ты богом вышним, державнейший монархо российский, яко толь милостивое к достоянию твоему божие смотрение не вотще тобою действует. Как многими Россию твою одолжил еси благодеянии! Тебе должна есть исправление, красоту и толикую силу свою, тебе должна всю толь дивную и славную измену свою, что презренна прежде и поруганна всем, ныне славна и страшна всем есть, на мори и на земли побеждает. Торжествуй и радуйся толико благословен сый богом! Радуйся богу, помощнику твоему!

Но и сынове Сиони да возрадуются о царе своем. Видите благополучие ваше, сынове российской, народе славенский! Видите, как имя ваше, славе тезоименитое, уже аки бы угасший свет свой и Почернелое злато свое толь изрядно в премудром сем: самодержце Еашем обновило, яко аще когда, ныне наипаче по достоянию славяне нарицаемся.

А вам, о мужественнии военачальницы и воины, котории на сей толь трудной и страшной акции труждаться не у страши лися есте и толь славную получили викторию, вам, о вернии монарха вашего служителие и истиннии его же подражателие, что речем? Кий венец соплетем? Кая победителныя пеня сочиним? Не краткаго слова, но вечнаго прославления достойни есте. Должни блажити вас стари, должни на образ ваш смотри юнии, должен нынешний век величати, должен будет славити и последний род.

О премилостивый господи и боже наш, от его же вседаровитыя десницы толикан приемлем благодеяния, запечатлей милостию твоею данныя нам дары твоя, подаждь доброте нашей силу. Многолетны сохрани благовернейшаго государя нашего царя, вернаго министра твоего Петра Перваго, и его благовернейшую царицу, государыню нашу Екатерину Алексеевну, царство их недвижимое, воинство непобедимое сотвори, вся отечество наше благосостоянием и миром благослови, воззри и на супостаты наша и по толикой, немиролюбием их излиянной крови приити уже в чувство и мира возжелати повели. Аминь.

Повелением царскаго пресветлаго величества Петра Перваго, всероссийскаго императора, напечатася при Санктъпитербурхе в Троицком Александроневском монастыре 1720 лета, месяца октовриа 14 дня.

